

«Я с лешим на разговорах был...»

Повествователь
в мифологических рассказах

© Н.А. КРИНИЧНАЯ,
доктор филологических наук

Образ повествователя (рассказчика, носителя традиции) формируется на основе целого «пучка» бинарных противопоставлений (оппозиций): *раньше – теперь; предки – потомки, старые – молодые; знание – незнание, вера – неверие, богобоязненность – бесстрашие; гармония – хаос; обобщенный – конкретный, коллективный – индивидуальный* и др.

Ключевые слова: былички, бывальщины, бинарные противопоставления, варьирование, образ повествователя.

Мифологический рассказ при всем внимании к нему со стороны современных исследователей остается недостаточно изученным фольклорным жанром. До сих пор основным объектом рассмотрения служит мифическое существо, изображаемое в том или ином сюжете. Роль же другого действующего лица, каковым, безусловно, здесь является человек, оказывается фактически незамеченной. А между тем роль человека в формировании и развитии коллизии весьма значительна: без его участия утратил бы смысл любой фольклорный сюжет. Именно индивид вступает/не вступает с пришельцем из иного мира в напряженный диалог, визуальный, вербальный, акциональный и даже, можно сказать, телепатический. Именно этим диалогом определяются в конечном итоге экспозиция, завязка, кульминация, развязка и эпилог развивающегося сюжета. Более того, самим своим возникновением мифическое существо

обязано воображению человека, состояние сознания которого изменяется под воздействием определенной психической (психофизической, психофизиологической) ситуации. Поскольку речь идет не просто о человеке, а о носителе традиционной культуры, то возникший в его воображении персонаж наделяется соответствующими архетипическими признаками и функциями. В мифологических рассказах этот персонаж занимает центральное место. Человек же отодвигается на второй план, и ему обычно отводится подчиненная роль. Воображение человека в момент аффективного состояния властвует над ним до такой степени, что и сам он, представленный в качестве субъекта повествования, подвергается последовательной мифологизации.

На данном этапе исследования нас интересует прежде всего фигура повествователя (рассказчика, носителя традиции), который может быть очевидцем/участником необычайного «случая», но может и не быть таковым. В этом отношении мифологические рассказы разделяются на две разновидности: былички и бывальщины. В быличках повествование ведется от лица непосредственного участника сверхъестественного происшествия, когда он сам лично видел мифическое существо и даже нередко бывал «на разговорах» с ним. В бывальщинах же рассказчик передает то, чему он свидетелем не был, а лишь слышал от других людей: очевидцев данного «случая» или таких же, как и он сам, современников и носителей традиции: «Я-то не видала. Люди, а люди-то, говорят, видали. Люди-то видали (...), а только говорят, что видели. Рассказывали, а я-то не видала, не видала, не видала» [1. 184. № 64]; «Чужой разговор, слышала, а может, наврешь дак» [Там же. № 43].

Образ повествователя представлен в рассматриваемых произведениях в динамике. Такая динамика обусловлена, в первую очередь, всеобъемлющим воздействием бинарной оппозиции *раньше – теперь*, известной во многих версиях и вариантах. И эти варианты в своей совокупности представляют определенный срез рассматриваемого явления.

Фигура повествователя приобретает в мифологических рассказах обобщенный характер. И это наблюдение касается не только фольклора, но и древнерусской литературы. «Зрительный, конкретный образ человека просто отсутствует», – отмечает акад. Д.С. Лихачев [2]. Здесь, скорее, имеют место лики, а не лица. В нашем случае фигура повествователя воплощает в себе многие поколения носителей традиции. В этом плане оппозиция *раньше – теперь* (*доселе – ныне, тогда – сейчас, прежде – нынче* и др.) совмещается с оппозициями *старые – молодые, предки – потомки*. А те, в свою очередь, включают в себя оппозиции *знание – незнание, вера – неверие, богобоязненность – бесстрашие*, переплетаясь с другими побочными оппозициями, связанными уже с *порядком* и с нарушениями в мироздании, грозящими наступлением *хаоса*. Неудивительно, что фигура повествователя,

будучи соотносенной с этими оппозициями, сама в известной мере мифологизируется.

Согласно народным представлениям, которые обнаруживаются не только в мифологических рассказах, но и во всем фольклоре, люди в стародавние времена были другими: «люди были вовсе не такие, как теперь» [3]. Соответственно изображались другими и повествователи, передающие последующим поколениям свой мифологический опыт. В чем же, по мнению наших рассказчиков, заключается отличие прежних людей от нынешних? И какова роль оппозиции *раньше – теперь* в их расстановке? Первые, согласно рассматриваемым нарративам, обладали некими тайнами мироздания. Ведь «досюльные» люди находились ближе к «началу времен», когда закладывались основы бытия, формировались те самые установления, неукоснительного соблюдения которых требовал впоследствии обычай, идущий «от веку»: «Предки наши умные очень были (...). Люди теперь всё забыли. Всё, как сказать, уважение забыли. Ко всему, и к воде» [4. С. 163]. По словам современных рассказчиков, нынешние поколения утратили сокровенное знание: «Кто знал, дак раньше было людей-то. (...) Там кто знал дак, а мы не знаем ничего» [5. С. 304]. Иначе говоря, раньше люди *знали*, то есть располагали сведениями, обладали знаниями относительно устройства мироздания, понимали действующие в нем установления, признавали законы бытия, соблюдали запреты и ограничения. Ощущая над собой власть потусторонних сил, наши предки считались с ними, зная свое место в мире, не превышая меру дозволенного. Теперь же бывшие знания недоступны даже ученым: «Вот ученых много, всё знаем. Но вот этого не знаем, что-то есть такое и такое» [С. 297]. Вариант: «Вроде еще что-то есть такое ...» [С. 363]. А если какие-то «осколки» знаний и сохранились, то это лишь малая часть того, что было известно ушедшим поколениям: «Это мы только помним, которое родители рассказывали, а ведь мы ничего не знаем этого» [6. С. 36]. В других же случаях от бывшего знания вообще ничего не осталось: «Я не знаю, что тут такое? Не знаю. Сама ничего этого дела не знаю» [С. 312]. А без этого знания, как считает одна из рассказчиц, человеческая жизнь утрачивает всякий смысл: «Она всё знала. А вот моя жизнь прошла не за нюх табаку» [С. 309]. Мотив тоски по утраченному знанию типичен для фольклора.

Неотъемлемым признаком «досюльных» носителей традиции, по народным представлениям, была также вера в реальное существование сверхъестественных сил: «До сего ведь верили (...) досельны-то люди верили» [С. 326]. По утверждению А.Ф. Лосева, «вера в сущности своей и есть подлинное знание; и эти две сферы не только не разъединимы, но даже и не различимы» [7. С. 104].

Понятие *верить* в рассматриваемых нами нарративах сохраняет свою глубинную семантику. *Верить* – значит быть убежденным в ре-

альном существовании сверхъестественных сил, считать достоверными свидетельства очевидцев об их проявлениях. *Верить* в какой-то мере имеет тот же смысл, что и *веровать*, то есть испытывать религиозное чувство, уверовать в могущество мифических существ, признавать их изначально божественную природу, поклоняться этим божествам, признавать данную веру истинной, следовать этому вероучению и быть его приверженцем. А раз верили, то, соответственно, и видели тех, в чье существование верили: «Ну, там и говорят старые, что есь там. (...) Конешно, раньше старые люди, может, и видели, да. Старые люди» [1. 165. № 303].

Другой, противоположный, полюс рассматриваемой бинарной оппозиции обычно определяется семантической формулой типа: «А теперь ведь ничего не верят» [С. 365]. И потому теперь, в отличие от «досюльного» времени, мифических существ не видят: «Я этому мало верю и ни разу на своем веку леших не видал. А старухи говорят, что видали» [С. 274]. И все же граница между верой и неверием нередко оказывается достаточно проницаемой. Причем это наблюдается даже в условиях, когда сверхъестественные происшествия относятся к одному и тому же временному периоду, обозначенному хрононимом *теперь*.

Обе составляющие рассматриваемой оппозиции находятся в состоянии динамического взаимодействия. Они могут подчас меняться местами. Теперь молодые верят, а старые – нет: «Старикам говорила [что видела водяного] – не поверили. А там старик старый был, ну и говорит: “Врет-врет девка!”. А где же врать, когда я бежала, вся почернела от страху» [1. 156. № 176]. Или: «она дедушку была крестница. (...) Дак приехала, говорит: “Ой, крестной, я сегодня водяника выглядела”. – “Где, Маринушка, выглядела?”. – “А салмы только проехала, а вот до тех пор высунулсе, а волосы до тех пор”. – “Вой, Маришка, да я век прожил, да не слыхал. А ты водяника выглядела!”» [Там же. 73. № 114]. По другому варианту, раньше (тогда) люди верили в существование потусторонних сил, а «теперича стары, дак будто как кто верит, кто нет» [С. 392]. В результате в оппозиции *раньше* – *теперь* лишь первая составляющая достигает своей совершенной полноты, вторая же находится в движении между двумя полюсами, между верой и неверием. В мифологических рассказах возможна и такая ситуация, когда оба члена оппозиции сводятся к одному. При этом исчезает само противопоставление времен и возрастных статусов: «Ну, теперь-то, конечно, молодые все» [4. С. 164]. Теперь и старые, и молодые в силу своего неверия одинаково нарушают законы и установления, регулирующие порядок в мироздании: «Во всяко время всё делают» [Там же]. По иной версии, сохраняется лишь противопоставление веры и неверия, тогда как в сопряженных с ним бинамах *раньше и теперь*, *старые и молодые* такое противопоставление

отсутствует: «Что скажут нам старики – слушаем, велят верить – верим, не велят – не верим» [8].

Кроме того, по сравнению с нынешними «досюльные» носители традиции представлены в мифологических рассказах богобоязненными. Они испытывали чувство благоговейного страха и опасения перед языческими божествами, которые, по народным верованиям, могут покровительствовать человеку либо, наоборот, противодействовать ему: «Мы жили раньше, так боялись» [С. 326]. А коль боялись, то, по логике рассказчиков, и находились во власти того, перед кем испытывали страх: «Леший водил раньше, потому что боялись» [4. С. 706]. Истоки страха, подчас необъяснимого, тонко определил К.Г. Юнг: «В человеческой душе, по-видимому, всегда присутствует нечто подобное некоторой высшей власти» [9].

Того страха, что был в старину, ныне, по мнению современных рассказчиков, больше нет: «Всё было. А вот теперь народ старый-то весь вымер, а мы, молодые, ничего не признаю. А нас ничто не пугат, да и мы никого не боимся, да ни черта, ни лесовика» [С. 410]; «Это раньше, а теперь не маленькие, теперь не боятся, жихаря не боятся, ничего не боятся» [С. 462]; «А теперь никто ничего не боится. И пугать нечем. Не боятся!» [С. 326]. Наоборот, теперь люди стали представлять опасность для мифических существ, и не только молодые, но и в возрасте. Так, по словам носителя традиции, если бы леший оказался теперь «народу молодому», то этот «народ» разорвал бы его «на куски». И потому леший ныне отступился и больше людям вообще не показывается [С. 423].

«Досюльные» носители традиции, от которых восприняты мифологические сюжеты, отличаются от современных и в плане аксиологии. Они наделяются устойчивым набором нравственных качеств, которым обеспечивается высокий уровень доверия к правдивости их повествования. «Ведь говорили это старые люди, а они, брат, не нынешний народ, врать не будут» [10].

Прежние люди, в том числе и носители традиции, жили в полной гармонии с природой и – шире – с самим мирозданием. В результате соблюдалось равновесие между ойкуменой и диким, неосвоенным, некультурным пространством: «Раньше всё говорили, что с лесными знались, а нонеча где лесным-то быть. Машины эдаки ходят, дак далеко ...» [С. 286]. Места, где раньше обитали мифические существа, утратили прежние покой, тишину, уединенность.

И сам ландшафт местности изменился не в пользу мифических существ. Там, где пришельцы «оттуда» ранее появлялись, теперь они больше не показываются. При этом темпоральные параметры противопоставления *раньше* (в то время) – *теперь* (сейчас) нередко выражены в локальных категориях: «река в то время не была такой широкой, как

сейчас. Река была неглубокая, и по краям реки были камни» [Там же. Разр. 6. Оп. 1. № 22. Л. 19]. Оппозиция *раньше – теперь* в данном случае сводится к противопоставлениям, связанным с шириной и глубиной реки. В других вариантах эта же оппозиция сочетается с противопоставлением *там – здесь*: «Здесь таких и местов нету. В Канзанаволоке места лучше. (...). Раньше-то вода ведь не эдака была, меньше ведь вода-то была. [Соб.: Сейчас больше вода стала?] Сейчас-то? О-о-о-й, да что ты говоришь-то. Разве этта приде тебе русалка? Да. А там было, дак дивья было» [Там же. 184. № 13]. В приведенном примере хронотоп (время и место) проживания рассказчицы до замужества (*раньше* и *там*) противопоставлен хронотопу ее пребывания после замужества (*сейчас* и *здесь*). И с той, девичьей, порой связаны ее воспоминания о былом равновесии в мироздании, когда люди и мифические существа жили между собой в гармонии, не вытесняя друг друга за пределы принадлежащих им локусов. Противопоставление былого ландшафта нынешнему, равно как и противопоставление двух разных ландшафтов, включенных в систему единой оппозиции *раньше – теперь*, осмысливается как предпосылка к изменению в состоянии мифических существ, а значит, и самого мироздания, с ними соотнесенного. В подобной оппозиции проявляются особенности мировосприятия носителей традиционной культуры.

Одним словом, по убеждению современных рассказчиков, того, что было в старину, теперь больше нет: «Всё было до сего, а теперь нет ничего. Ведь это так!» [С. 455]. В результате оказывается, что первая составляющая рассматриваемой оппозиции как бы поглощается второй: «А это сейчас всё отпало. Сейчас этого нет» [С. 290]; «Что ты, бабушка. Нам воспитательница сказала, – ён (внук) в санатории был в Спасской Губы. – “Никого нынь нет”» [Там же]; «Только я в это не верю, глупости, да и никто теперь не верит» [1. 108. № 11]. Исчезли и сами старики, которые знали, верили/веровали и испытывали благоговейный страх перед мифическим силами: «“Раньше старики были ...” – “А нынь всё, верно, обрушилось”» [С. 399].

Казалось бы, вместо былой оппозиции возникло некое единство противоположностей. Однако это напряженное единство, элементы которого вновь стремятся к своей поляризации. Они находятся в движении между полюсами, приближаясь к одному из них или отдаляясь от одного из этих полюсов.

В мифологических рассказах наиболее полно представлена фигура повествователя, находящегося в состоянии между верой и неверием.

Повествователь на собственном опыте или опыте других людей убеждается в существовании мифической силы: «Это было... Это было, не вру. Это было, было, правда. Что тут, девки» [1. 23. № 503]; «Чего я врать, да мне, – говорит, – так не выдумать; что видел, дак видел,

на разговорах был. Да ...» [С. 199]; «Вот тут правда, он сам [очевидец происшествия] рассказывал» [С. 211].

Повествователь верит в то, чему другие вряд ли могут поверить: «Верите, нет, правда, такое было, сама видела» [5. С. 351]; «Может, не верите, но это было. Я тоже сама не верила. Вот мне даже дядя сказал, говорит: “Те, – гот, – так, может, и надо, ты другим и не веришь – вот”» [С. 398].

Повествователь, который ранее не верил в существование мифической силы, теперь верит: «Вот, – говорит, – никогда в жизнь не верил, что что-то есть, а тут что-то есте, – говорит» [С. 352]; «Вот то-то я поверила, а то я не верила» [С. 379]; «Вот было это, это правда точная. Ну а вот это, какой тебе, я сама не верила, ну а тут дак, ой-вой-вой!» [1. 73. № 138].

Иногда он оставляет за слушателем право верить или не верить в существование мифической силы: «Хоть верьте, говорит, хоть не верьте» [Там же. 133. № 93]. Может сомневаться в существовании мифической силы: «Правда ли нет? Не знаю!» [С. 482]; «Врет ли нет этот дедушко, я уж не знаю» [С. 462]; «Это могло быть, а могло и не быть, люди рассказывают» [С. 438].

Повествователь, который не верит в существование мифической силы, не исключает, что на самом деле она все же есть: «Черт его знает, может, это и леший был, только я в это не верю» [С. 324].

Фигура повествователя разрабатывается и в соответствии с противопоставлением *обобщенный – конкретный*. Так, изображение «досюльных» носителей традиции имеет обобщенный характер. Изображение же недавно живших или ныне живущих рассказчиков обладает некоторыми конкретизирующими признаками, приобретая в какой-то мере реальные очертания. Повествователь иной раз сам является очевидцем и участником сверхъестественного происшествия. Или же в качестве свидетеля выступает кто-либо из его родственников: «дедка рассказывал», «сестра рассказывала», «золовка рассказывала». Нередко и сам рассказчик подчеркивает, что описываемый случай произошел не с ним, а с кем-то другим: «Это с мужем моим было» [С. 378]; «И вот какой опыт был. Это у сестры, не у меня. (...) Такой опыт был» [С. 386]. Рассказывают соседи, односельчане, жители ближних деревень, а то и просто незнакомые люди.

Однако даже в том случае, когда «первоисточник» определен, мы чаще всего имеем дело с мнимой конкретизацией. Не случайно рассказчик нередко считает нужным оговориться, что тот, кто сообщил о произошедшем с ним необычайном случае, живет не здесь, а «в другой деревне (не у нас, правда)» [С. 305]. Если же место жительства очевидца происшествия указывается, то остается неизвестной его фамилия: «Она где-то в Шалы живет, в Первомайском. Фамилии, правда, я не знаю, а

матери фамилия Рудно Фиёна» [С. 265]. Иногда же сведения об участнике загадочного «случая» настолько конкретизируются, что его можно отыскать. И тут выясняется, что этого человека и в живых уже нет, да и не только его, но и ближайших родственников: «А мне сватья-то говорила, Володи-то, зятя-то, мать. И той тоже живой, ды и Володи-зятя, нету» [С. 316]; «Ето говорил мне Валька Орлов, царствие яму небесное» [4. С. 170]. Однако в процессе бытования традиции конкретный рассказчик растворяется в обобщенном, архетипическом образе повествователя. Либо роль такого повествователя закрепляет за собой сама *молва* [11], которая, персонифицируясь, живет как бы сама по себе («ходит»), формируясь, подобно всякому «бродячему» сюжету, по законам фольклорной традиции.

И еще одной оппозицией определяется становление образа рассказчика. Речь идет о соотношении *коллективного и индивидуального* в устном народном творчестве. Вот как представил себе этот процесс один из носителей традиции, живших на рубеже XIX–XX веков: «Но каков бы ни был он [сказ этот], не я его выдумал. Его слышали, говорят, от стариков, которых нет уже на этом свете. Дело-то было, говорят, при них, когда они были еще молодыми. Вот они, старики, и сказывали кое-кому, а те пересказали другим ... Вот так сказ этот и сохранился в памяти, а теперь знаем и мы, и что слышим, то пересказываем и другим» [8]. Причем каждый из воспреемников традиции по-своему участвует в коллективном творческом процессе: «Иной к услышанному прибавит немало и своей выдумки и сделает, как говорят, из комара слона» [8].

Итак, при всей своей вариативности и противоречивости изображение повествователя подчинено определенным закономерностям. Эти закономерности обусловлены действием противоположностей, открытых для статики и динамики, поляризации и движения между полюсами. В конечном итоге они регулируют творческую энергию носителей традиции: дают ей свободу и вместе с тем в заданных пределах ограничивают ее.

Литература

1. Научный архив Карельского научного центра РАН. Первая цифра обозначает номер коллекции, вторая – порядковый номер текста в ней.
2. Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970. С. 79.
3. Гильфердинг А.Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. В 3 т. Изд. 4-е. М.- Л., 1949. Т. 1. С. 37.
4. Мифологические рассказы русских крестьян XIX–XX вв. / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. М.Н. Власовой. СПб., 2013.

5. *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М., 2011. Далее указ. только стр.
6. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О.А. Черепанова. СПб., 1996.
7. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Философия. Мифология. Культура*. М., 1991. С. 104.
8. *Верещагин Г.* Легенда о пьянице // *Олонецкие губернские ведомости*. 1901. № 84. Часть неофициальная. С. 2.
9. *Юнг К.Г.* О психологии бессознательного // *Юнг К.Г.* Психология бессознательного / Пер. с нем. М., 1998. С. 34, 78.
10. *Шаповалова Г.Г.* Севернорусская легенда об олене // *Фольклор и этнография Русского Севера*. Л., 1973. С. 210.
11. Вераования великоруссов Шенкурского уезда (Из летней экскурсии 1916 г.) / Собр. и зап. П.Г. Богатырев // *Этнографическое обозрение*. 1916. № 3–4. С. 44–45.

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала принимает статьи не более 10 страниц с анотацией и ключевыми словами (размер шрифта 14, через полтора компьютерных интервала). Материал должен быть подан на бумажном и электронном носителях.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Посылать статью со сведениями об авторе следует по адресу: 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.

Присланные материалы не возвращаются.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Подписка на журнал «Русская речь» (индекс 70788) принимается в отделениях связи.

По вопросам льготной подписки обращайтесь в редакцию, тел.: (495) 695-27-35.

Сведения об авторах можно получить в редакции журнала «Русская речь».
